

М 194
202

15
3

БИБЛИОТЕКА
НОВОЙ ШКОЛЫ.

Л. Н. Толстой.

194
202

**Богъ правду видитъ,
да не скоро скажетъ.**

Разсказъ.

Книжка для чтенія
на третьемъ
году обученія.

Цена 3 коп.

№ 41.

10147
A

„Библиотека Новой Школы“

подъ редакціей Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова.

M 194
—
202 Л. Н. Толстой.

Богъ правду видитъ,
да не скоро скажетъ.

Р А З С К А З Ъ.

Книжка для чтенія
на третьемъ году обученія.

И. Д. Сытина

ГОЛА ПРАВА ВЪНДЛА

ДА НЕ ЕКОРО ЕКАЖЕЛЪ

9923-2079

2007053755

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

Въ городѣ Владимирѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксеновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсельникъ. Смолоду Аксеновъ много пилъ и, когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка случилось это съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксеновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксеновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла, будто бы ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксеновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри, какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксеновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, разбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, расчелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши верстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ,

и изъ повозки выходить чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксенову и спрашиваетъ: кто, откуда? Аксеновъ все рассказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ все пристаётъ съ разспросами: «Гдѣ ночеваль прошлую ночь: одинъ или съ купцомъ? Видѣль ли купца поутру? Зачѣмъ рано уѣхаль со двора?» Аксеновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ, все рассказалъ, какъ было, да и говоритъ: «Что же вы меня такъ выпрашиваете? Я не воръ и не разбойникъ какой-нибудь. Ъду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправчикъ и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночеваль прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксеновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксеновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова:

— Я.... я не знаю.... я.... ножъ.... я.... не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя, некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксеновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него свои 8.000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксеновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксенова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, въ острогъ. Послали во Владимиръ узнать, какой человекъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители владимирскіе показали, что Аксеновъ смолоду пилъ и гулялъ, но былъ человекъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ го-

родъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ее не пускали, но потомъ она упросила начальника, и ее привели къ мужу. Когда она увидѣла его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками,—она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивала его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потушился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: «И ты подумала на меня!»—закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо ухо-

дять. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: «Видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости». И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксенова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжныя работы. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксеновъ жилъ 26 лѣтъ. Волосы его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксеновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четы-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ

Апостоль и пѣль на клиросѣ,—голосъ у него все еще былъ хорошій. Начальство любило Аксенова за его смиренность, а товарищи осторожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксену приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксену, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ спрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксеновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потушившись слушалъ, кто что рассказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ, лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженной бородой. Онъ рассказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: «Укралъ». А я говорю: «Я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю».—«Нѣтъ, говорятъ, укралъ». А того не знаютъ, что и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попасть, да

не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—быль въ Сибири, да не долго гащиваль...

— А ты откуда будешь?—спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владимира, тамошніе мѣщане. Звать Макарюмъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксеновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхаль ли, Семенычъ, во Владимирѣ городѣ про Аксеновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы, даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшныя. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксеновъ не любилъ говорить про свое несчастье: онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксеновъ сказалъ: «Стало-быть, стоило того», и не хотѣлъ больше рассказывать, но другіе осторожные товарищи рассказали новому, какъ Аксеновъ попалъ въ Сибирь. Они рассказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксену нсжикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услыхаль это, онъ взглянулъ на Аксенова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну, чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся и гдѣ онъ видѣлъ Аксенова; но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята, — гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксену въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца. Онъ сказалъ:

— Или ты слыхаль, Семенычъ, прежде про это дѣло или видалъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было: что и слыхаль, то забылъ,—сказаль Макаръ Семеновъ.

— Можетъ, слыхаль, кто купца убилъ?—спросиль Аксеновъ.

Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да, видно, тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунуль тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокѣ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхаль.

Какъ только Аксеновъ услышалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человекъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксеновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему жена такую, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—веселымъ, молодымъ: вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

«И все отъ того злодѣя!» думалъ Аксеновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отметить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксеновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ ночью онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотреть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксенова. Аксеновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и рассказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выносить въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ, я и тебя выведу. А если скажешь, — меня засѣкутъ, да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксеновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не зачѣмъ и убивать меня нечего,—ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ,—какъ Богъ на душу положить.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ приѣхалъ въ острогъ и сталъ

всѣхъ допрашивать: кто выкопалъ дыру. Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксенову. Онъ зналъ, что Аксеновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ; скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ.

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и онъ не могъ долго слова выговорить. Онъ думалъ: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что, какъ я понапрасну на него думаю? Да что жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?»

Начальникъ еще разъ сказалъ:

— Ну что же, старикъ, говори правду: кто подкопался?

Аксеновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Я и не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксеновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услышалъ, что кто-то

подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара.

Аксеновъ сказалъ:

— Что тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксеновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксену и шопотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксеновъ сказалъ:

— За что тебя прощать!

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунуль, я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли: я сунуль тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окно.

Аксеновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ,—тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксеновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково?! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дѣти забыли, мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу и бился головой о землю и говорилъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть... А ты еще пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!—и онъ зарыдалъ.

Когда Аксеновъ услыхалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— Богъ проститъ тебя; можетъ - быть, я во сто разъ хуже тебя!

И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не ходилъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксенова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться,—Аксеновъ уже умеръ.
